

Олег Мироненко

РЫЖИЙ

(история одиночки)

16+

Олег Мироненко

Рыжий (история одиночки)

«Автор»

2018

Мироненко О.

Рыжий (история одиночки) / О. Мироненко — «Автор», 2018

Это книга о рыжем котёнке. Не совсем обычном котёнке, познавшем мистическую сторону своей короткой жизни. Ещё эта книга о котах и кошках, собаках, крысах, детях... И ещё о доброте. Читать книгу будет легко, иногда вы будете улыбаться, иногда грустить. Это хорошо. Эмоции должны быть разными.

© Мироненко О., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава I. Хозяин	5
Глава II. Братство котов	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глава I. Хозяин

...Он втиснулся всем тельцем в просвет между полом и батареей, и всё одно дрожал – откуда-то сквозило прямо сквозь него. Сверху доносился гул обладателей голосов – людей. Они тоже жались к батарее, чем-то булькали, крякали и гудели, гудели, непонятно для чего и зачем... Иногда в него летели какие-то едко пахнущие предметы, и тогда он силился ещё сильнее прикрыть свой сухой нос рыжей в деликатных разводах полутонов лапкой, зажмурил глаза и остро ощущал свою неприкаянность. Порой кто-то дёргал его за хвост, заставляя всем тщедушным тельцем ощутить грубое прикосновение чужеродности. Попросту говоря, над ним куражились подвыпившие ханыги: так, без злобы – зажигалку к усам никто не подносил. А если вас случайно интересует эта тема, так сходите-ка лучше в соседний подъезд и спросите у Черныша – какого это... Закуски у ханыг никакой не было, а то, глядишь, и подкинули бы котёнку кусок другой – хоть шкурки от колбасы, хоть сырка крошку. Да кто их знает? Может, и подкинули бы... Не зря же они, наверное, людьми родились.

... Степаныч сурово поднимался по лестнице – лифт он, по причине накопленных запасов в районе живота, с некоторых пор стал презирать, а заниматься глупостями вроде диет и утренних пробежек у него не было ни склонности, ни времени, ни заточенной под это силы воли. На работе сутился он мало (как и положено мастеру газового хозяйства), рот открывал только в силу необходимости, справедливо полагая, что люди и так слишком много тряндят, и боролся с лишними калориями исключительно возвращаясь с работы домой пешком и поднимаясь ножками, ножками, хотя и держась за перила, на свой родной седьмой этаж. На этот раз в районе четвёртого вышла заминка, чему он даже по-детски обрадовался, тут же вытащив из дырявого кармана пуховика несвежий платок и обмакнув его в красное лицо.

– Фу-у-ф... – выдохнул он и вступил в диалог с отдыхающими товарищами, естественно, хорошо ему знакомыми: выручали друг друга не раз, и даже не десять. Правда, в последнее время былую компанию Степаныч особо не жаловал.

– Что, черти, опять загуляли? – задал он нелицеприятный вопрос, вполне имея на это право, как человек, честно отработавший положенные ему часы, хотя и пропустивший в процессе осточертевшей монотонности дня стаканчик-другой крепкой жидкости. Пил он с некоторых пор исключительно самогонку, которую сам же умеючи и гнал.

Ответом ему было неопределённое мычание, не лишённое, впрочем, неких признаков совестливости, вылившейся в робкое предложение со стороны Бегунка, самого молодого из компании:

– Да вот, погреться решили... Примешь с нами, Степаныч?

Тот только хмыкнул:

– Эх, босота ты, босота... Знаешь ведь, что я ваше пойло не употребляю.

– Ну, тебе виднее...

Бегунок опрокинул в себя дозу из пластмассовой посуды, вдруг поперхнулся, закашлялся, засучил ногами и задел-таки, полоротый, рыжего котёнка, уже было прикорнувшего под батареей. Тот обиженно взвизгнул, виновато высунул мордочку наружу и тут же задрожал.

– Эт-то ещё что за чудо? – медленно процедил Степаныч, разглядывая неприкаянного зверька.

– А это, блин, Рыжик, – охотно пояснил Трёхпалый, по глупости потерявший в своё время полезные органы, когда работал на лесопилке в армии. – Недели две уже тут отирается... Поди, подохнет скоро. Мне как-то пофигу, но... Забрал бы ты его к себе, что ли.

– С какого такого рожна? – нахмурился мастер. – Я тебе Мазай, что ли?

– Бирюк ты, а не Мазай, – вступил в разговор Серёга-десантник, контуженный в Чечне и как раз сегодня пропивавший грошовую пенсию за то, что однажды оказался не в том месте в

ненужное время. – Как жена умерла, совсем ты одичал. Пьёшь в одиночку, ходишь в рванье... Возьми. Глядишь, и на душе меньше саднить станет.

Разговоров о жене Степаныч не переносил категорически, и уже собрался было рассердиться, но тут котёнок разинул рот и жалобно, безнадежно пискнул.

И сдвинулся тут в заскорузлой душе Степаныча какой-то наглухо, казалось бы, запаянный пласт, и движение это нашло своё отражение в бессознательно слетевших с языка словах:

– Ах ты, маленький... Тебе бы ещё титьку сосать.

Слова эти, конечно, были глупые и ненужные, но, как бы то ни было, они невольно устанавливали некую связь между месячным котёнком, непонятно как сумевшего перешагнуть из января в февраль, и сорокапятилетним здоровенным мужиком, непонятно куда и зачем шагающим из года в год.

Однако он сдался не сразу. Добрёл наконец до квартиры, долго искал ключи в дырявом кармане, не раздеваясь, прошёл на кухню, когда-то добротнo и по уму сделанную для любимой стряпухи, а теперь грязную и распавшуюся на несколько бестолковых фрагментов: одинокий стол, сердито дребезжащий пустой холодильник, осиротевшая плита – глаза бы не видели этой устоявшейся разобщённости...

Он достал бутылку, замахнул сразу стакан первача, закурил, подумал... И вышел обратно в подъезд.

Вернулся он уже с рыжим маленьким зверьком, пугливо смотревшим с его рук на новый открывшийся ему за дверью мир огромными зелёными марсианскими глазами.

Степаныч опустил его на коврик в прихожей.

– Давай, принюхивайся, – напутствовал он котёнка, а сам наконец-то скинул пуховик, сдёрнул с ног ботинки и привычно завернул на кухню.

Он уже и забыл о новом жильце, когда тот, не переставая дрожать (хотя в квартире было тепло), просунул своё худющее тельце на кухню и стал осторожно тыкаться мордочкой сначала в плитус, а потом и в ножку стола.

– А... Жрать, наверное, хочешь. – Степаныч осоловело зевнул. – Тогда жри суп.

Он подошёл к плите, на которой третий уже день стояла никак не желающая оказаться внутри угрюмого холодильника кастрюля с чем-то жидким, и плеснул в первую попавшуюся под руку плоскую порцию размером с половник. Котёнок подошёл и понюхал. Пахло кислым. Он зажмурил глаза и принялся не очень ловко лакать розовым язычком то, что ему было предложено, пока в животе немного не потеплело. Тогда он отпрянул от плоскости, виновато глянул по сторонам, содрогнулся от содеянного и тут же стал умывать лапкой мордочку.

– Брезгуешь, скотина, – прохрипел окончательно захмелевший к тому времени хозяин, и его свободный от цепей повседневности мозг тут же задумал план мести. Рыжик был заграбастан рукой-лопатой и перемещён в ванную, где и был сначала ошпарен душевой струёй, а затем обсыпан порошком и для контраста облит уже холодной водой. Делал всё это Степаныч, конечно же, не нарочно – так уж вышло, что руки ну никак не могли совладать с резьбой на краниках. «Всё, теперь мне точно хана... – отчётливо пронеслось вдруг в сознании котёнка то ли на языке его мучителя, то ли на каком-то собственном, открывшемся в роковые для него минуты. «Гады они все, гады...»

Через минуту, мокрый и дрожащий, он сидел рядом с батареей в комнате и отчаянно пытался слизать языком едкую дрянь, мёртво вцепившуюся в его свалывшуюся шкурлу. «Это всё потому, что я рыжий», – продолжал звучать голос в голове, пока горло душили спазмы слёз. «Рыжие все невезучие...» Однако, тут он был не прав. Из всего окота – а было их шесть: два сереньких, чёрненький, две кошечки трёхцветки, и он один, рыжий, – выжил только он. Не было уже и мамы-рыжухи, шуганной собакой под колёса машины. Ну, а про папашу и говорить нечего – след кошачьей родословной тут как раз и терялся вместе с нарисовавшимся и вмиг исчезнувшим родителем.

Долго ещё вылизывал себя круглый сирота (не принимать же в расчёт, в самом деле, наглого залётного кошака), пока окончательно не выбился из сил. Тогда он побрёл прочь от опостылевшей батареи, мимо дивана с храпящей на нём сволочью, и доковылял наконец до коридора, где на полу валялся пуховик. В его-то грязный рукав, превозмогая приступы тошноты от съеденного и вылитого на него (гордость, гордость обитала в этом шупленьком тельце) и забрался бедолага, наконец-то согрелся и уснул.

... С утра была суббота. Степаныч прекратил храпеть, перевернулся с боку на бок, ловко сбалансировал на краю дивана и проснулся. Поднявшись и удостоверившись, что бежать никуда не надо, он с хмурым видом, в синих до колен солдатских трусах и линялой майке, сунул ноги в тапки и зашагал в санузел. В прихожей он узрел валяющийся на полу пуховик, скривился, как от зубной боли, поднял его и сильно встряхнул – право, не понятно зачем. Из рукава тут же вывалился рыжий комочек, ударился об пол, корявенько уселся на задние лапки и потешно замотал головой. Потом одновременно открыл глаза и рот и пискнул. И сразу же задрожал.

– Так... – выдавил из себя Степаныч. – Не приснился всё-таки.

Некоторое время он стоял и смотрел на котёнка, потом покачал головой:

– И в чём душа держится... Рыжик ты Рыжик.

И пошёл бриться.

... Через пол-часа Рыжик бойко лакал молоко с накрошенным в него батоном, жмуря глазки от удовольствия, а Степаныч по старой привычке курил в форточку и наблюдал за ним, хмуря брови.

– Вот так... И хрен ты когда от меня кошачьей тушёнки получишь, понял-нет? Ну хватит, хватит, а то загадишь мне тут всё.

Он убрал плоску из-под самого носа котёнка, от чего тот недоумённо стал крутить головой, сигнализируя ушами о своём разочаровании, сграбастал его в ладонь и поднёс к унитазу.

– Был у меня у приятеля кот, так тот прямо вот на край сюда запрыгивал, ну и делал все свои дела... А ты чем хуже, спрашивается? Вот сюда, понял? Ни рядом, ни под ванную – а сюда вот, и сколько хочешь потом хвост свой задирай... Понял, усатый? Смотри – повторять не буду.

Котёнок сидел на краю унитаза и непонимающе моргал. Потом спрыгнул вниз и тут же напрудил лужицу на кафеле. Степаныч крикнул:

– Игнорируем, значит, руководящую роль партии... Ладно.

Он схватил Рыжика за загривок, ткнул мордой в лужицу, потряс, опять ткнул... Котёнок отчаянно извивался и пищал, пока наконец опять не был усажен на край унитаза.

– Дошло, нет? А если ты, падла маленькая, в отместку мне в тапки насышь – сразу с балкона, усёк?

В унитазе журчала вода. Рыжик изогнул шею, посмотрел туда. Мыслей не было. Потом соскочил вниз и побрёл к батарее умываться.

... Вечером он лежал на старом свитере у батареи в комнате, сонно щурил глаза и нет-нет да и поглядывал на хозяина. Степаныч сегодня не пил – не хотелось что-то... Хотелось грустить и ощущать эту грусть неразмытой. Гудел телевизор, а он, сгорбившись, сидел на диване, ерошил волосы и думал о сыне, с которым вот уж год как насмерть рассорился... «Один ведь я, совсем один», – печалился он, отчаянно моргая глазами. «И никакой он ни гад...» – пронеслось вдруг в голове у котёнка. Он поднялся со своего места, подошёл к дивану, в два приёма, помогая себе когтями, залез на него, потом на колени к Степанычу и уткнулся мордочкой ему в живот. Некоторое время ничего не происходило, а потом тяжёлая ладонь осторожно прошлась по спине котёнка.

– Что, малявка, хочешь примирить меня с этой сволочной жизнью? – устало произнёс Степаныч. Рыжик только сильнее прижался к нему и запустил свой моторчик.

Глава II. Братство котов

... Прошло два месяца. Рыжик окреп, успокоился, и стала видна его порода. От мамы-рыжухи ему, очевидно, достались огромные зелёные глаза, изящная головка с внимательными ушами и пушистый в колечках хвост. Белая манишка обрамляла грудь. От неизвестного же родителя ему перепали мощные лапы, а также поджарое львиное тело. Он был красивым котёнком, и обещал со временем превратиться в кота с классическими пропорциями.

У него появилась своя коробка со старым свитером внутри, в которой он прятался, когда Степаныч брался учить его жизни. Тогда он высовывал оттуда свою головку и поднимал вверх лапку, как бы призывая хозяина воздержаться от бесчинства. Степаныч грозил ему пальцем, бормотал: «Ишь ты, умник», – но котёнка оставлял в покое. Спал Рыжик обычно на диване в ногах у хозяина, а когда тот с перепоя начинал во сне воевать с чертями и всюю педалировать своими конечностями, смывался в коробку.

Вообще жилось ему неплохо, и мысли, иногда отчётливо проносившиеся у него в сознании, носили скорее позитивный характер, например: «Не жмись, дай добавки» или «Почесал бы ты, братец, мне за ушком». Пользоваться писсуаром он тоже научился на удивление быстро, и, шаркая затем усердно лапкой по кафелю, чувствовал себя вполне сносно. В подъезд или куда подальше его не тянуло – стресс ещё давал о себе знать. Единственное, к чему он всё никак не мог привыкнуть, так это к запаху сивухи, сочившемуся изо всех углов квартиры и особенно от хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.